РОССИЯ И РУССКИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ШЕКСПИРА

Академик М. П. Алексеев

Вторая половина XVI в., на которую пришлась юность Шекспира, в истории Англии памятна как начало оживленных торговых сношений между Англией и Россией. Общеизвестно, что морской путь в Русское государство был открыт англичанами (Ричардом Ченслором) еще в 1553 году. Известно также, что Ченслор удачно совершил сюда второе путешествие и уже возвращался на родину, везя богатый груз и имея на корабле первого русского посла в Англию — Осипа Непею, как в бурную ночь его корабль разбился у шотландских берегов. Заботясь о спасении московского посла, Ченслор погиб вместе с сыном и большей частью экипажа; Непея же спасся и вскоре был торжественно принят в Лондоне, где купцы устроили в его честь настоящий праздник. Известие об этом занес в свою знаменитую «Хронику» (1587 г.), столь хорошо знакомую Шекспиру, Р. Холинshed. Неоднократно отмечалось, что эту хронику Шекспир перечитывал несколько раз, почерпнув отсюда немало исторических сведений.

К концу XVI столетия взаимное ознакомление обеих стран — Англии и России — достигло значительных успехов. Между ними шел непрерывный обмен посольствами, их торговые связи крепили и развивались.

Большим спросом пользовались в Англии различные русские товары. В русские меха, например, издавна одевались английские аристократы, теперь эти меха стали доступны более широким кругам лондонских горожан. Русские соколы и кречеты считались самыми лучшими для охоты, а русские медведи — для популярной английской забавы — травли медведей собаками. Когда в Англии начали входить в употребление стекла для окон, плохому стеклу собственной выработки некоторое время предпочитали русскую слюду — «*muscovy glass*»².

Подобно тому, как предметы русско-английской торговли внедрялись непосредственно в быт англичан, так их сознание обогащалось всевозможными сведениями о незнакомой им прежде северной стране — ее людях, природе, нравах, обычаях; эти сведения черпались из книг (беллетристика, географическая литература, памфлеты), устных рассказов, личного общения. Только этим многообразием источников информации и можно объяснить хорошую осведомленность рядовых англичан конца XVI — начала XVII в. о Московском государстве. Возрастало число англичан, побывавших на Белом море и посетивших центральные города «Московии». Их рассказы, путевые дневники, воспоминания с приложением дипломатических документов и отчетов напечатал Ричард

¹ R. Holinshed. *Chronicles of England, Scotland and Ireland*. London. 1587, p. 1132; J. Robertson. *Documents relating to the first Russian Embassy in England in 1556*. «*Archaeological Journal*», 1876, vol. XIII, pp. 77—80.

² Любопытно, что минералогическое название слюды «мусковит» попало в русский язык из английского (И. И. Гинзбург. *Слюда в Архангельской губ.* «*Природа*», 1916, № 3, стр. 349).

Гаклюйт в однотомном сборнике, рассказывающем о путешествиях англичан в разные страны света («The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation», 1589); десятилетие спустя понадобилось второе издание этого труда, вышедшее уже в трех томах, причем сведения о России были здесь очень пополнены³. Отчеты Ченслора, Дженкинсона, Ст. Борро, Сутхема и Спарка, письма Гаутри, Грея, Олькока, Лейна, Ускомба, Симкинсона, Гарланда и других знакомили читателя со множеством самых занимательных подробностей. Москва, Новгород, пристани Белого моря, среди них Архангельск, основанный в 1584 г., Волга, Средняя Азия и Каспийское море, обычаи и нравы русских, татар, «самоедов», способы торговли, образ жизни, характеристика власти в Русском государстве — все это нашло место в опубликованных Гаклюйтом материалах, которые трудолюбивый и ревностный к славе своих соотечественников историкограф собрал непосредственно от очевидцев или от их ближайших друзей. Вместо прежних отрывочных данных или недостоверных рассказов появились теперь более обширные компиляции или основательные сочинения по первоисточникам. Были опубликованы рассказы Дж. Горсея, долго жившего в России и одно время близкого к Ивану Грозному; в 1591 г. вышла в свет книга Флетчера «О государстве Русском», в 1605 г. — описание посольства сэра Томаса Смита.

Естественно, что и в английской драматической литературе той поры можно найти ряд упоминаний о «Московии» или «Руссии»; по свидетельству современников, в лондонские театры горожане отправлялись не только для того, чтобы провести свой досуг, но и чтобы «узнать, что происходит в других странах»⁴, услышать о заграничных событиях и новостях. Поэтому в пьесах Шекспира и драматургов той поры, где встречается так много известий о странах Европы и даже отдельных континентах, довольно полно отражен и круг представлений англичан о современном им Русском государстве, о быте и нравах его жителей. Конечно, этот круг представлений был не слишком широк, но все же в драматических произведениях конца XVI — начала XVII в., как и в произведениях других жанров, о России и русских сообщалось много весьма живописных подробностей: здесь мелькали русские географические имена, встречались указания на климатические особенности страны, на торговую номенклатуру, попадались даже отдельные русские слова и фразы⁵.

У Шекспира отмечено свыше десятка упоминаний о «москвитках», или «русских»⁶. Это, конечно, не так много в сравнении с разнообразием и обилием его упоминаний о Франции, Италии или Нидерландах, но вся «русская экзотика» у Шекспира заслуживает еще большего внимания, чем аналогичные подробности в произведениях К. Марло и Т. Гейвуда, Бомонта и Флетчера, Миддлтона и Деккера, Марстона и других драматургов⁷. Любопытно, что интересующие нас места о русских мы найдем почти на всем протяжении творчества Шекспира — от его ранних

³ M. Böhm e. Die grossen Reisensammlungen des XVI. Jahr's und ihre Bedeutung. Strassburg. 1904, S. 152 ff.; G. Parks. Richard Hakluyt and the English voyages. New York. 1930.

⁴ G. Binz. Londoner Theater und Schauspiele. «Anglia», 1899, Bd. XXII, S. 461.

⁵ М. П. Алексеев. Английский язык в России и русский язык в Англии. «Ученые записки» Ленинградского государственного университета. Серия филологических наук. Вып. 9, 1944, стр. 78—80.

⁶ Все эти упоминания перечислены в словаре: F. Stokes. A Dictionary of the Characters and Proper Names in the Works of Shakespeare. London. 1924, p. 286.

⁷ Дж. Дрейлер (J. W. Draper. Shakespeare and Muscovy. «The Slavonic and East European Review», 1954, vol. XXXVIII, № 80, December, p. 218) замечает, что Шекспир почти не дает топографических подробностей о русской земле (их больше у Марло или Деккера); он нигде не называет ни Ледовитого океана, ни Белого моря, ни Северной Двины или Водги.

комедий и до поздних трагедий: в «Напрасных усилиях любви», «Мере за меру», «Генрихе V», «Макбете», «Зимней сказке».

О свирепости русских медведей Шекспир упоминает в исторической хронике «Генрих V» (акт III, сц. 7, 154):

Р а м б ю р. Но и Англия дарит миру храбрецов. Английские бульдоги необычайно воинственны!

Герцог Орлеанский. Глупые псы! Кидаются, закрыв глаза, в пасть русскому медведю, чтобы он сплюснул им башки, как гнилые яблоки. Эдак вы скажете, что и блоха храбра: завтракает на губе льва.

Это явный отзвук популярной в те времена в Лондоне забавы — травли медведей собаками. Тот же «косматый русский медведь» (the rugged Russian bear) вспомнился измученному совестью Макбету в сцене, когда он видит призрак зарезанного Банко и кричит, что предпочел бы ему любое свирепое чудовище («Макбет», акт III, сц. 4):

Я смею все, что смеет человек:
Предстань мне русским всклоченным медведем,
Гирканским тигром, грозным носорогом,
В любом обличье, только не в таком, —
Я, я не дрогну..

В «Мере за меру» (акт III, сц. 1, 139) Анджело замечает по поводу пространной болтовни шута:

Все это длится, как в России ночь,
Когда она всего длинней бывает...

Здесь речь идет о длинных зимних ночах на русском Севере, о которых Шекспир мог быть наслышан от бывалых мореходцев, видевших страну москвитов⁸. Интерес к «Московии» и к русским обнаруживается в английской драме елизаветинской поры еще отчетливее и ярче в целых сценах на русские темы или даже в особых произведениях на русские сюжеты, действие которых сосредоточивалось в Москве.

В одной из ранних комедий Шекспира, «Напрасные усилия любви», находим маскардную импровизацию с переодеванием в русские костюмы (акт V, сц. 2). Дата этой пьесы устанавливается только приблизительно (около 1590 г.) и до сих пор служит предметом споров исследователей.

Действие пьесы происходит при дворе молодого короля Наварры Фердинанда, который, мечтая устроить свою жизнь на началах целомудрия и спокойного созерцания, вместе со своими приближенными дает торжественный обет на три года отречься от женского общества и всецело посвятить себя науке. Все его расчеты, однако, рушатся, когда к нему является французская принцесса в сопровождении прекрасных дам и юный король, принявший слишком неосторожное решение, влюбляется в нее. Но принцесса не склонна отвечать на эти ухаживания. Король сочиняет пламенные сонеты, чтобы заслужить ее благосклонность. Когда и это не удается, он задумывает маскарад: король явится к принцессе вместе со своими придворными, замаскированный в платье «москвитян, или русских». Бойе, придворный принцессы, подслушав о намерении короля, спешит сообщить ей об этом:

Принцесса. Как, как, Бойе? Они идут сюда,
К нам в гости?

Бойе. Да, к нам в гости, москвичами,
Иль русскими, передевшись все,
Намерены они, как заключаю
Я из того, что слышал, здесь плясать,
Любезничать и веселиться с вами.

⁸ J. W. Dгарег. Op. cit., p. 218.

Входят музыканты — мавры; за ними король и придворные: Моль, Бирон, Лонгвиль и Дюмен. «Все они, — гласит авторская ремарка, — в русских костюмах (in russian habits) и в масках». Русские играют свою роль, говорят, что прошли много миль «тяжелыми шагами», чтобы видеть красоту принцессы, что они обожают ее и просят снять маску. Но принцесса, предупрежденная о том, кто стоит перед ней, облаченный в своеобразный костюм москвитя, дурачит короля, и он удаляется со свитой, потерпев поражение и на этот раз. Принцесса бросает им вслед:

Сто двадцать раз прощайте,
О москвичи замерзшие мои!

Старинные комментаторы Шекспира давно обратили внимание на этот эпизод пьесы. Джозеф Ритсон, основываясь на Холле, летописце времен Генриха VIII, утверждал, что русский костюм в качестве маскарадного убранства был известен при английском дворе еще в 1510 г., следовательно, за полвека до первой морской экспедиции англичан к берегам Белого моря. Вот свидетельство Холла, приведенное у Ритсона: «В первом году царствования Генриха VIII, на празднике, который дан был перед иностранными послами в парламентском зале Вестминстера, явились лорд Генри, граф Уэлтширский и лорд Фицуотер в двух длинных платьях из желтого атласа с полосами белого; в каждую же полосу белого атласа вставлена полоска кармазинного — по русскому обычаю (after a fashion of Russia or Russlande); на головах у них были серые меховые шапки; в руках — по топорыку, а на ногах сапоги, заостренные кверху»⁹.

Это свидетельство Холла приводится почти во всех комментированных изданиях комедии «Напрасные усилия любви» вплоть до настоящего времени. Когда выяснилось, что отрывок из хроники Холла, цитируемый Ритсоном, дословно приведен также в хронике Холиншеда, некоторые комментаторы Шекспира еще больше утвердились в мнении, что именно этот рассказ о придворном маскараде 1510 г. и послужил одним из источников комедии Шекспира¹⁰. На самом же деле этот рассказ едва ли может претендовать на то значение, которое ему готовы придать исследователи: описанный Холлом пестрый маскарадный костюм, в который облачались английские аристократы начала XVI в., свидетельствует скорее о том, как чужда была Англии Генриха VIII «Московия» Ивана III. В ремарке Шекспир говорит просто о «русских костюмах», очевидно, предполагая, что они достаточно известны; он мог лицеизреть их и сам; поэтому нет необходимости считать, что Шекспир хотел видеть Фердинанда и его приближенных одетыми именно в такие «театрализованные» одежды, какие были описаны Холлом.

Одни исследователи творчества Шекспира источник «русского эпизода» в «Напрасных усилиях любви» пытались обнаружить в итальянской комедии масок (comedia dell'arte)¹¹, другие усматривали его в представлении («маске») «Gesta Grayorum», исполненном при дворе на масленицу 1595 г. студентами Грейз-Инна: в этой «маске» также происходило передевание в русские костюмы¹². Некоторые ученые,

⁹ J. Ritson. Remarks, critical and illustrative. London. 1783, p. 40, ср. И. Гамель. Англичане в России. Т. I. СПб. 1865, стр. 160.

¹⁰ F. Soerensen. The Masque of the Moscovites in «Love's Labour's Lost», «Modern Language Notes». 1933. Vol. 50, December, pp. 494—501.

¹¹ O. J. Campbell. Love's Labour's Lost Re-studied. «Studies in Shakespeare, Milton and Donne». University of Michigan. 1925, pp. 1—45.

¹² «Gesta Grayorum», ed. by W. W. Greg. «The Malone Society Reprints», 1914. № 6; E. K. Chambers. Shakespeare. Vol. I. Oxford. 1930, p. 355; F. Soerensen. Op. cit., p. 499; F. A. Yates. A Study of Love's Labour's Lost. «Shakespeare Problems». 1936, № 5, pp. 11, 133, 135; K. H. Ruffmann. Das Russlandbild in England Shakespeare's. Göttingen. 1952, S. 171.

наконец, обращали внимание на забытое свидетельство Томаса Лоджа, из которого будто бы явствует, что около 1580 г. в Англии установилась своего рода театральная мода — выводить на сцену «фантастические шествия» актеров или театральных статистов, наряженных и замаскированных под «чужестранцев из Московии»; следует, впрочем, отметить, что ясностью указанное свидетельство Лоджа не отличается.

Однако ряд исследователей уже издавна придерживается той точки зрения, что источник интересующей нас сцены в «Напрасных усилиях любви» следует искать не в литературном или сценическом произведении, а в современной автору действительности. Еще в прошлом веке интересные и заслуживающие одобрения мысли по этому поводу высказывал известный шекспировед С. Ли¹³.

Напомним об оживленных русско-английских сношениях в конце XVI в., обменах посольствами и тех переговорах, которые вели через своих посредников Иван Грозный и королева Елизавета, С. Ли подробно останавливается на некоторых деталях второго русского посольства в Англию, во главе которого стоял Федор Андреевич Писемский. Посольство это прибыло в Лондон в 1582 году. Ф. Писемскому и состоявшему при нем подьячему Елифану Неудаче Васильеву Ховралеву наказано было добиться заключения союза между Англией и Русским государством и сватать за царя племянницу королевы «княжну Хантингскую» Марию Гастингс, дочь Генриха, графа Гунтингдонского. Английскому переводчику Писемского, Джайлсу Кроу, кроме того, приказано было тайно передать «королевне», что сам царь имеет намерение прибыть из Москвы в Англию¹⁴.

Ф. Писемский не смог быстро увидеть английскую «принцессу»: она была тяжело больна, и болезнь (оспа) обезобразила ее лицо. Королева Елизавета до полного выздоровления «царской невесты» не хотела допустить русского посла на ее смотрины и долго не соглашалась на то, чтобы снять с нее портрет для отправки его в Москву. К тому же и «сама избранная невеста, по-видимому, не прельщалась предлагаемой ей будущностью, и хотя в Англии еще живы были современники шестибрачного Генриха VIII, но едва ли молодая англичанка могла пленяться мыслью, что будет шестой или седьмой супругой пятидесятилетнего царя»¹⁵. Тем не менее смотрины состоялись: 17 мая 1583 г. Писемскому разрешили увидеть Марию Гастингс.

Встреча была обставлена с большой торжественностью: в саду Йорк-хауза — резиденции лорда-канцлера Томаса Бромлея — устроена была специальная беседка, в которой поместили леди Марию, окруженную многочисленной и пышно разодетой свитой; потом гуляли по саду, и гостям предложены были вина и фрукты. Английский переводчик Писемского заявил от его имени, что достаточно было только взглянуть на «принцессу», чтобы сразу оценить ее ангельскую наружность, горделивую осанку и удивительную красоту, это — неземное создание, которое, как он надеялся, станет супругой его повелителя. Об этом приеме «принцессой» московского посла, одетого в богатые и яркие национальные одежды, в Лондоне помнили долго. Подробный отчет об этой

¹³ S. Lee. A new study of Love's Labour's Lost. «The Gentleman's Magazine», 1880, October, p. 455, etc.

¹⁴ Ср. Ю. Толстой. Обзор сношений России с Англией. «Сборник императорского Русского исторического общества». Т. 38. СПб. 1883, стр. 32—33; Дм. Цветаев. Из истории брачных дел в царской семье московского периода. «Русский вестник». Т. 172. 1884, стр. 156—157. Для обоснования своей гипотезы С. Ли мог воспользоваться также статьей Н. К. Богусhevского («Historical Notes relating to czar John «the Terrible of Russia and Queen Elisabeth of England» в журнале: «Reliquary. Quarterly Journal of Archaeology» ed. by L. Jewitt. Vol. 1875, pp. 1—18), в которой рассказывается о пребывании посольства Писемского в Лондоне на основании английских и русских первоисточников.

¹⁵ Ю. Толстой. Указ. соч., стр. 34—45.

встрече, который русский посол представил своему государю, даст нам еще больше аналогий с шекспировской пьесой. Ф. Писемский писал, что его повели в сад, а «в саду чердак (беседка.— М. А.) наряжен, и в чердаке поставлены двои кресла, обиты бархаты золотными... И погода немного пришла княгиня Томосова, а другая княгиня Хунтинского князя, а промеж себя привели княжну Хунтинского Марию Хунтинску — и с ними пришли многие боярыни и девицы. И как пришли против князя Томоса, и Федор и он встали и им поклонились, а они против поклонились; и князь Томос Федору говорил: «Всмотри гораздо; королева велела тебе показать свою племянницу не в темны места, ни в коморе, ни в палате — на свету. И после того они пошли в сад гулять, и князь Томос, встав, в сад же ходил гуляти, и опять встретились, для того, чтоб Федор высмотрел ее гораздо...» «и князя Хунтинского дочь, Марья Хантис,— прибавляет Писемский,— ростом высока, тонка, лицом бела, очи серы, волосом руса, нос прям, у рук пальцы тонки и долги...»¹⁶

Как в сцене шекспировской пьесы, так и в действительности дело происходило в парке перед павильоном; целью встречи было сватовство. Преувеличенно льстивая речь, которую произносит в пьесе один из придворных по поручению короля, обращаясь к принцессе, напоминает слова переводчика московского посла, сказанные от имени Писемского. С. Ли безусловно прав, усматривая большое и, вероятно, не случайное сходство между встречаей Писемского с английской княжной и сценой в «Напрасных усилиях любви». Женитьба русского царя на Марии Гастингс, как известно, расстроилась. Иван Грозный вскоре умер, хотя перед смертью он похвалялся англичанам в Москве: если леди Гастингс откажется быть его женою, то он сам придет в Англию и возьмет ее силой. Эта несостоявшаяся свадебная сделка хотя и имела характер дипломатического секрета, стала известной и еще долго служила в Лондоне предметом городских толков и сплетен; в несколько искаженном свете, как о великолепной шутке, обо всем этом рассказывает в своих записках Дж. Горсей, которыми пользовался С. Ли¹⁷. По-видимому, в том или ином виде эта история могла быть известна и Шекспиру. Что касается выразительной характеристики русских, вложенной им в «Напрасных усилиях любви» в уста принцессы и Розалины, притом явно в комических целях, то, по предположению С. Ли, источником этой характеристики могла быть указанная выше книга Флетчера о Русском государстве; при этом английский исследователь допускал даже, что Шекспир знал это сочинение еще до выхода его в свет. Разумность этого предположения становится особенно очевидной, если признать установленным, что «Напрасные усилия любви» написаны не ранее 1591 года.

Стоит отметить, что более ста лет тому назад, задолго до указанных выше сопоставлений «русского эпизода» пьесы с ее вероятными и предполагаемыми первоисточниками, С. П. Шевырев поместил в московском журнале статью «Шекспир о русских», в значительной степени посвященную анализу «русской сцены» в «Напрасных усилиях любви». Автор допускал, что для характеристики русских словами принцессы Шекспир воспользовался собственными наблюдениями. «Замечательно,— писал московский профессор и литератор,— что от зоркого глаза Шекспира не укрылось дородство русских и эта грубая сила телесная... Его всепроницающая наблюдательность схватила черты дородного, плотного ума наших предков и запечатлела их этими двумя памятными для нас строками: *My frozen Muscovites: wellliking with they have;*

¹⁶ «Сборник императорского Русского исторического общества». Т. 38, стр. 68—69; «Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки». М.—Л. 1954, стр. 153—154.

¹⁷ S. Lee. Op. cit, p. 457; Дж. Горсей. Записки о Московии. СПб. 1909, стр. 53.

gross, fat, fat...»¹⁸. О том, что приезжавшие в Лондон из Москвы русские люди вызывали к себе в английской столице особый интерес, мы знаем из разнообразных источников. До нас дошел, например, портрет русского посла в Англии Григория Ивановича Микулина (отправленного к королеве Елизавете из Москвы 15 мая 1600 г. Борисом Годуновым). Этот портрет (масло) написан в Англии неизвестным художником вскоре после приезда туда Микулина; ныне портрет находится в Государственном историческом музее в Москве. Это тот самый Микулин, которому довелось быть в Лондоне свидетелем восстания Эссекса и который представил об этом по возвращении на родину дельный отчет. Микулин дал характеристику главных действующих лиц этого неудавшегося заговора, назвав среди них, кроме Эссекса, также шекспировского графа Саутгемптона и других лиц, отметил сочувственное отношение к восстанию англичан — «посадских людей», описал даже казнь заговорщиков¹⁹. Очень вероятно, что одному из англичан, принимавших участие в этом восстании, Микулин помог скрыться в России и затем поселил его неподалеку от Ярославля²⁰.

Заслуживает внимания также тот факт, что именно «статейный список» путешествия Г. Микулина, дающий разнообразные и удивительно правильные сведения не только о пребывании русского посольства в Лондоне, но и о том, что происходило в то время при дворе королевы Елизаветы, послужил английскому исследователю Лесли Хотсону поводом для установления точной даты первого представления комедии Шекспира «Двенадцатая ночь»²¹. Как известно, заглавие этой пьесы дано не по ее содержанию, а в связи с тем днем, для которого она предназначена и должна была быть сыграна актерами. «Двенадцатым днем» (twelfth day), а также вечером, до полуночи (night), в Англии назывался двенадцатый день от начала рождественских праздников, то есть 6 января. Особенности английского календаря того времени были забыты исследователями, а это неоднократно приводило к различным заблуждениям и неправильным датировкам. Л. Хотсон, в частности, обратил внимание на то, что даже известный «Оксфордский словарь английского языка» допустил характерную ошибку, определяя «двенадцатую ночь» как «вечер накануне двенадцатого дня», что неверно, поскольку кануном «двенадцатого дня» являлось 5, а не 6 января²². Добавим к этому, что в XVI и XVII вв. англичане пользовались юлианским, а не григорианским календарем и что при жизни Шекспира год начинался в Англии не 1 января, а 25 марта²³; для исследователя англо-русских культурных и дипломатических отношений это обстоятельство довольно существенно: отсюда, между прочим, явствует, что календари, которыми пользовались в то время в Лондоне и в Москве, совпадали, несмотря на вероисповедные и связанные с ними обрядовые различия у жителей обеих столиц.

Вчитываясь в «статейный список» посольства Г. Микулина, Л. Хотсон обратил внимание на то место реляции русского посла, где говорится, что королева Елизавета велела ему и состоявшему при нем подьячему

¹⁸ С. Шевырев. Шекспир о русских. «Москвитяне», 1842, ч. III, № 5, стр. 93—96.

¹⁹ «Сборник императорского Русского исторического общества». Т. 38, стр. 338—340; Н. Чарыков. Посольство в Англии дворянина Григория Микулина в 1600 и 1601 гг. М. 1876, стр. 11—12; «Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки», стр. 178—179.

²⁰ «Сэра Томаса Смита путешествия и пребывание в России». Перевод И. М. Болдакова. СПб. 1893, стр. 24—25. Ср. М. П. Алексеев. Англия и англичане в памятниках московской письменности XVI—XVII вв. «Ученые записки» Ленинградского государственного университета, № 95 (серия исторических наук), вып. 15, 1946, стр. 46—47.

²¹ L. Hotson. The First Night of Twelfth Night. London. 1961.

²² Ibid., p. 12.

²³ Ed. Brinkmeier. Praktisches Handbuch der historischen Chronologie, 2-te Aufl. Berlin. 1882, S. 83; R. F. Hampson. Media Aevi Kalendarium or Dates. Charters and Customs of Middle Ages. London. s. a., pp. 3, 44.

Ивашке Зиновьеву «у себя на праздник на крещеньев день хлеба ясти» и что в тот же день «ударил челом королеве Италиянские земли Флоренской удельной князь Верджен Аурсинов»²⁴, то есть Вирджинию Орсини, герцог Браччяно, как известно, выведенный в этой же комедии Шекспира. Исходя из этого свидетельства Микулина и проверив его с помощью других впервые публикуемых документов, Л. Хотсон пришел к неопровержимому выводу, что первое представление «Двенадцатой ночи» Шекспира состоялось в присутствии королевы Елизаветы в Уайтхолле, после ужина, вечером 6 января 1600 г. (или по нынешнему летоисчислению 1601 г.), то есть в тот самый «крещеньев день», о котором пишет Г. Микулин²⁵. Исследование Л. Хотсона представляет значительный интерес не только для шекспироведов, но и для историков, изучающих Россию XVI—XVII веков. Большой отрывок из «статейного списка» Г. Микулина вошел в книгу Л. Хотсона в английском переводе, сопровождаемый чрезвычайно любопытными пояснениями и дополнениями на основе архивных материалов, без которых отныне не сможет обойтись ни один комментатор этого ценного памятника стариной русской дипломатии. Просматривая печатные каталоги английских рукописных собраний, Л. Хотсон, в частности, обратил внимание на небольшой и еще не публиковавшийся документ, который хранится среди других ценных исторических бумаг в библиотеке герцога Нортумберлендского. Это подробное описание «приема и увеселений московитского посла, а также итальянского знатного дворянина, герцога Браччяно при дворе королевы Елизаветы»; к нему приложен перечень лиц, «сопутствовавших ее величеству королеве во время ее обеда вне дворца (dining abroad) в Двенадцатый день 6 января»²⁶. Этот документ, полностью опубликованный Л. Хотсоном по рукописи²⁷, подтверждает точность донесения Г. Микулина и в то же время дополняет его многими интереснейшими подробностями. Из данного английского источника мы узнаем не только имена лиц, присутствовавших в тот день на приеме у королевы, и распорядок торжеств и увеселений, но и, например, имена тех англичан, которым было поручено привезти москвичей в карете из дома, где они жили (возле Биллинггейта), в Уайтхолл, где состоялся прием и парадный обед; во главе свиты, назначенной для москвичей, поставлен был сэр Джером Баус, в свое время побывавший в Москве в качестве английского посла (в 1583—1584 гг.) и, следовательно, обладавший некоторым опытом общения с русскими официальными лицами (Микулин именует его «князь Еремей Боус»). Из английского документа явствует, что для сопровождения москвичей выделено было 14 англичан — «два рыцаря и двенадцать джентльменов» — и что это соответствовало общему числу русских, находившихся в составе посольства (один из них за две недели до рождественских праздников умер и был похоронен в Лондоне с соблюдением некоторых православных обрядов, о чем в городе ходили разные толки²⁸. Г. Микулин в своем отчете об этом умолчал). Сопоставление названного английского и русского документов позволило точно установить, где, в каких помещениях и в чьем присутствии королева Елизавета принимала московского посла и итальянского гостя. Найденные Л. Хотсоном и впервые им опубликованные другие письменные свидетельства, например, два письма Вирджинию Орсини из Лондона к его жене герцогине Флавии²⁹, в которых он описывает прием у английской

²⁴ «Путешествия русских послов XVI—XVII вв.», стр. 175—176.

²⁵ Эти разъяснения дают возможность сказать лишний раз, что у нас прочно укоренился неправильный русский перевод заглавия этой комедии Шекспира; вместо принятого следовало писать «Вечер двенадцатого дня».

²⁶ L. Hotson. Op. cit., p. 14.

²⁷ Ibid., pp. 176—177.

²⁸ Ibid., p. 177.

²⁹ Ibid., pp. 226—235 (Letters of Don Virginio Orsini, Duke of Bracciano, to his wife, Duchess Flavia). Письма датированы 18 и 31 января 1600 года.

королевы, состоявшийся 6 января, дают нам новые, не менее живописные подробности. Хотя и Микулин и Орсини в тот день получили аудиенцию у королевы и обедали в разных «палатах»³⁰ (Микулин имел ранг полномочного посла, Орсини же был просто гостем из Тосканы), но они встретились в Уайтхолле³¹ и, вероятно, смогли приглядеться друг к другу.

В заключение праздничного дня, после ужина и танцев, на которые Микулин зван не был³² (и на которые он, вероятно, не явился бы даже в случае приглашения: дело происходило в «крещеньев день»!), состоялось представление комедии Шекспира («Двенадцатая ночь») актерами, среди которых был и сам автор; спектакль смотрели королева Елизавета и ее знатный итальянский гость³³.

Хотя между Микулиным и Орсини беседы и не было (а посредником на этот раз между ними мог быть тот же лондонский переводчик, состоявший при московском посольстве — «Ондрей Грот»), но они, несомненно, расспрашивали друг о друге; оба иностранца вызвали к себе чрезвычайное любопытство лондонских жителей, чем объясняется обилие свидетельств о них современников. Г. Микулин поражал англичан своей дородностью, высоким ростом, мужественной осанкой; всеобщее изумление вызывал его драгоценный кафтан из золотой парчи с оплечьем, густо усыпанным крупным жемчугом и драгоценными камнями³⁴. Вирджинию Орсини был живописен на свой лад, являясь типичнейшим представителем ренессансской флорентийской культуры (портрет его приложен к исследованию Л. Хотсона). То, что было известно о нем до его приезда в Лондон, Шекспир воспроизвел в своей комедии; многие знали также, что в 1589 г. юного Орсини, ездившего в Рим из Флоренции на свадьбу с племянницей папы, приветствовал в цикле сонетов сам Торквато Тассо. Тот же Орсини стал не только действующим лицом блистательной, искрящейся весельем, может быть, самой «ренессансской» комедии Шекспира, но также героем совершенно ей противоположной, мрачной, кровавой трагедии Дж. Уебстера «Белый дьявол» (1608 г.), знаменовавшей декаданс и начало распада «елизаветинской» драматургии. Отсюда неопровержимо явствует, что Шекспир, вероятно, видевший подлинного герцога Орсини Браччяно в Уайтхолле во время представления «Двенадцатой ночи», не мог не знать и о Микулине, даже если ему

³⁰ *Ibid.*, pp. 178—179.

³¹ Об этом свидетельствует сам Орсини в первом письме к жене (*Ibid.*, p. 227).

³² Орсини пишет об этом в том же письме, где, кстати, идет речь о представлении «Двенадцатой ночи» (L. Hotson. *Op. cit.*, pp. 229—230). В интересной работе М. Рёслера об условиях жизни иностранцев в Англии в конце средних веков и в эпоху Возрождения, содержащей много ценных данных и для русских историков, мы находим любопытные соображения о том, почему английские театры шекспировской поры (кроме придворных зрелищ) почти не посещались иностранцами, в особенности дипломатами. Помимо языковых трудностей, немалое значение имели также специфические посольские церемониалы разных стран, запрещавшие послам посещение народных зрелищ этого рода, где они могли легко подвергнуться оскорблениям со стороны зрителей — лондонских ремесленников и горожан (M. Rösler. *Die Lebensweise der Ausländer in England im späteren Mittelalter und in der Renaissance*. «Englische Studien» (Leipzig), 1933, Bd. 68, Hf. 1, S. 53—54).

³³ Я. С. Лурье в заметке «Послы из Московии на премьеру «Двенадцатой ночи» («Театр», 1959, № 3, стр. 190; это ошибочное заглавие было дано не автором, а редакцией журнала) обратил внимание на то, что «русские послы видели в Лондоне одного из прототипов шекспировской комедии в тот же день, когда драматург показывал на сцене «Двенадцатую ночь»; однако, следуя распространенному заблуждению, в заметке утверждается, что 6 января являлось «кануном» «двенадцатой ночи» и будто бы этот день (6 января) был одним из «новогодних» (!) праздников. К сожалению, книга Л. Хотсона (в издании 1954 г.) осталась Я. С. Лурье неизвестной; она помогла бы ему избежать и некоторых других погрешностей, допущенных в комментарии к отчету Г. Микулина, вроде утверждения, что Орсини был представителем римского, а не флорентийского рода, как правильно указал московский посол («Путешествия русских послов XVI—XVII вв.», стр. 410).

³⁴ Л. Хотсон приводит полное и подробное описание одежды Микулина на основании свидетельств современников (L. Hotson. *Op. cit.*, p. 185).

не представился случай наблюдать где-нибудь московского посла и других членов русского посольства. Недаром в английских официальных документах и переписке того времени имена Микулина и Орсини, занимавших лондонцев весь январь — вплоть до восстания Эссекса, — нередко стоят рядом.

Напомним в связи с этим еще один малоизвестный факт, подтверждающий реальный интерес жителей Лондона той поры к русским дипломатам, появившимся в английской столице. Современник Шекспира, плодовитый драматург Томас Хейвуд в исторической драме «Если вы не знаете меня, вы никого не знаете» (1605 г.), в которой изображены победа англичан над испанской Армадой и основание лондонской биржи, также выводит на сцену русского посла, в честь которого был устроен банкет основателем биржи Томасом Грешемом. Русский посол появляется в первой сцене первого акта этой пьесы; ремарка гласит, что в комнату, где все приготовлено для торжественного ужина, «входят Грешем, а за ним Посол. Музыка. Посол садится. Входят сэръ Томас Рамзей, два лорда, миледи Рамзей, слуги и переводчик». Грешем приветствует их и представляет им иностранного гостя:

...Этот русский князь, посол императора
Не понимает нашего языка. Переводчик,
Скажи ему, что мы ему рады.

Переводчик. Князь говорит по-латыни.
И на этот язык я буду для него переводить.

Далее между Грешемом, лордами и русским послом ведется оживленная беседа на латинском языке. В той же сцене посол интересуется, в частности, на каком языке он должен будет беседовать с королевой, и получает ответ, что, «несмотря на то, что она женщина, королева является редким знатоком языков» и что она не пользуется услугами переводчиков, так как сама говорит «по-испански, по-латыни, по-французски, по-гречески, по-голландски и по-итальянски»; из дальнейшей беседы выясняется, что русский посол понимает толк в драгоценностях и отказывается купить крупную жемчужину, за которую заломил непомерную цену французский купец³⁵.

Хорошо известно еще одно упоминание Шекспира о России в его поздней пьесе «Зимняя сказка». Это знаменитое место (акт III, сц. 2, 117—124), где Гермiona, несправедливо оклеветанная своим мужем и призванная на суд, говорит:

Отцом моим был русский император:
О, когда б он дожид до постыдного суда
Над дочерью! Когда бы он увидел ужас
Моей беды! Не с тем, чтоб мстить,
Но с тем, чтоб пожалеть меня!

Этот лирический монолог считается одним из удачных мест драмы; он неоднократно служил доказательством высокого лирического подъема и психологической проникновенности шекспировского творчества. Следует ли считать случайным то обстоятельство, в целом незначительное для общей композиции пьесы, что королева Богемии называет своим отцом «русского императора»? Этот вопрос давно привлекал исследователей, и по данному поводу высказано было много весьма противоречивых соображений.

Не нужно ли и в этой подробности видеть своеобразный отзвук того интереса к «Московии», какой был в Англии в эпоху Шекспира?

Обычно указывают, что важнейшим источником «Зимней сказки» была «занимательная повесть» Роберта Грина «Пандосто, или победа

³⁵ «Two Historical Plays on the Life and Reign of Queen Elisabeth by Thomas Heywood. With an introduction and notes by J. Payne Collier. Printed for the Shakespeare Society». London. 1851, pp. 115—117.

времени», позднее переименованная в «Дорасто и Фавнию». Напечатана она была первый раз в 1588 г. и потом много раз переиздавалась. В повести Грина рассказывается та же история о губительных последствиях ревности и слишком позднего обнаружения напрасной клеветы, что и у Шекспира; при этом Шекспир в первых трех действиях «следовал довольно близко новелле, отступая от нее только в тех случаях, когда это ему было нужно для драматических целей»³⁶, и лишь переименовал имена действующих лиц. У Р. Грина Пандосто, король Богемии (которого Шекспир назвал Леонтом и сделал королем Сицилии), ревнуюя свою жену Белларию (у Шекспира — Гермиона) к сицилийскому королю Эгисту (у Шекспира — Поликсен, король Богемии), в конце концов доводит ее до смерти и слишком поздно убеждается в ее невинности. Характерно, что у Грина оклеветанная королева также является «дочерью русского императора» и что «это обстоятельство,— по словам Н. И. Стороженко,— есть одна из причин, в силу которых Пандосто отлагает свой план мщения Эгисту и решается все выместить на своей жене Белларии; у Шекспира же, наоборот, Гермиона говорит на суде, что она дочь русского царя и горюет о том, что отец не может пожалеть о ней»³⁷. По мнению того же исследователя, Р. Грин «дает Эгисту в жены дочь русского царя, по всей вероятности, потому, что в конце XVI в. Россия уже начала сильно интересовать англичан»³⁸. Слово «император» в применении к русскому «царю» или «великому князю» у Грина и Шекспира подвергалось особому истолкованию исследователей³⁹.

Однако повесть Грина не единственный источник пьесы Шекспира; лежащий в ее основе сюжет широко распространен в мировой литературе. Давно отмечено было сюжетное родство новеллы Грина с источниками, из которых один был обработан в пьесе Лопе де Вега («*Magnol de Felisardo*»); указывали на нидерландскую драму XV в. («*Abel spel van Esmoreit*»), в которой так же, как и у Шекспира, идет речь о сицилийском короле, заключающем свою жену в тюрьму по подозрению в измене⁴⁰. Из многочисленных исследований, посвященных источникам «Зимней сказки», особое внимание ее русских истолкователей вызвали разыскания историка Польши Я. Каро, гипотезы которого впоследствии поддержаны были в Петербурге шекспироведом Р. Бойлем. В статье о двух пьесах Шекспира — «Зимней сказке» и «Буре» — Я. Каро имел в виду прибалтийскую легенду, якобы лежащую в их основе, и еще раз попытался связать создание этих пьес с интересом к «Московии», столь характерным для англичан конца XVI и начала XVII века.

Внимание Я. Каро привлекло польское историческое сказание, записанное архиепископом гнезненским Чарнковским и относящееся ко второй половине XIV века. Мазовецкий князь Земовит был женат на сiles-

³⁶ Н. Стороженко. Роберт Грин. Его жизнь и произведения. М. 1878, стр. 203—205.

³⁷ Там же, стр. 203, примечания 81, 180.

³⁸ Там же.

³⁹ В широко известном в Англии в конце XVI в. словаре Томаса Купера (1565; последующие издания: 1573, 1578, 1584), в приложении к которому имеется небольшой словарь собственных имен, под словом «*Moscovia*» (в изд. 1584 г.) дается следующая справка: «Московиты имеют великого князя, который сам себя называет императором России» (см. К. Н. Ruffmann. Op. cit., S. 158). На титульном листе книги Дж. Флетчера «О государстве Русском» в полном ее заглавии указано, что речь идет в ней об особенностях правления «русского императора» («*Shakespeare and Muscovy*», pp. 219—220). Отметим также, что на раме портрета Г. И. Микулина (1600 г.) последний назван «послом русского императора» и что об «императоре» Борисе идет речь в «Описании путешествия Т. Смита» (1605 г.) и в упомянутой пьесе Т. Хейвуда того же года. О курьезной должности «командора молчания» при «дворе русского императора» упоминает также Томас Нэш (см. Н. Стороженко. Указ. соч., примечание 180).

⁴⁰ Отметим, что в повести Томаса Лоджа «Маргарита Американская» (1596 г.) рассказана история трагической любви некоего фантастического южноамериканского «императора» Куска к Маргарите, дочери «русского короля».

ской княжне; имя ее варьируется в различных источниках, где она называется Евдокией, Елизаветой или Людмилой. В результате наговоров и нашептывания она была обвинена в любви к одному из придворных, Добеку, и суровый князь Земовит воспылал ревностью. Его не смягчили уверения в невинности княгини, исходившие от девиц ее свиты, подвергнутых пытке. Он повелел бросить княгиню в темницу и приказал задушить после того, как она в заточении родила мальчика. Много лет спустя убедились в полной ее невинности. Добек был случайно задержан; когда этот подозреваемый обольститель был по повелению Земовита разорван на части лошадьми, в нем узнали переодетую женщину.

Мальчик княгини, рожденный в темнице и названный Генрихом, остался в живых; сначала в строгой тайне его взяла к себе Маргарита Штеттинская (в легендарных обработках всей этой истории названная Саломеей), дочь Земовита от первого брака. Когда после смерти Добека устранены были все сомнения в его вероломстве, Маргарита вернула мальчика отцу. Земовит привязался к нему со всей страстью раскаявшегося убийцы, как бы пытаясь этим ослабить укору совести за поспешный и несправедливый приговор, вынесенный им матери Генриха. Земовит сделал сына духовным лицом и, несмотря на его молодые годы, впрочем, не без труда, добыл ему кафедру епископа Плоцкого. В 1392 г., когда Генриху было около двадцати лет, польский король Ягелло отправил его послом к Витовту, князю Литовскому, в это время находившемуся в Пруссии. Доехавшему сюда Генриху полюбилась сестра Витовта Рынгалла, и он женился на ней, сняв с себя сан епископа, но вскоре умер, отравленный рыцарями Тевтонского ордена. По мнению Я. Каро, сватовство Генриха чрезвычайно напоминает любовную идиллию шекспировской пьесы, где сын оклеветанной Гермियोны, рожденный в темнице и тайно воспитанный на чужой стороне, подобным же образом влюбляется в сицилийскую принцессу⁴¹.

Как казалось Я. Каро, он установил прочную связь между польским сказанием, новеллой Грина и «Зимней сказкой», не рискуя лишь утверждать, знал ли Шекспир историю сына Земовита из обработки новеллы Грина или и Грин и Шекспир самостоятельно пользовались различными ее версиями. До сих пор речь шла только о польской легенде: фоном ей служили исторические польско-литовские отношения. Однако Я. Каро попытался идти дальше в своих догадках и включил в указанную историю и русский эпизод.

Я. Каро предположил, что и «Буря» Шекспира также обязана преданиям, возникшим вокруг событий в Литве в конце XIV в., и будто в этой пьесе можно найти отголоски историй, рассказывавшихся об упомянутом Витовте.

Как известно, «Буря» доньше считается одним из самых загадочных созданий Шекспира, источники которого остаются плохо объясненными. Л. Тик указал на сходство шекспировской драмы с пьесой немецкого писателя конца XVI в. Якоба Айрера «Комедия о прекрасной Сидее». Здесь изображена борьба между Лудольфом, князем Литовским, и владельцем Вильны, Лейдегастом; побежденному Лудольфу оставлена жизнь при том условии, что он покинет страну со своей дочерью Сидеей. Слуга Лудольфа — дух Рунцифал (соответствующий Ариэлю у Шекспира) — предсказывает изгнаннику, что ему скоро удастся отомстить своему брату, когда к Лудольфу пленником попадет сын Лейдегаста Энгельбрехт. Так и случается во время охоты. В конце концов Энгельбрехт становится мужем Сидеи. Если Л. Тик говорит о несомненной близости «Бури» и «Комедии о прекрасной Сидее», то Я. Каро пытается установить связи между историческим Витовтом литовским, Лу-

⁴¹ J. Caro. Die historischen Elemente in Shakespeare's «Sturm» und «Wintermärchen». «Englische Studien». 1878. Bd. II. S. 141—185.

дольфом Айрера и Просперо Шекспира: перед нами та же борьба из-за Вильны двух владетелей — Витовта литовского и Ягелло польского, они были двоюродными братьями и друзьями юности. Витовт, как говорилось выше, бежит в Пруссию, к меченосцам, но затем дело кончается примирением, и посланный к Витовту от Ягелло Генрих Плоцкий женится на сестре Витовта.

В событиях 1390—1392 гг. историка может привлечь еще один эпизод; на этот раз он непосредственно связан с Россией, которую трудно исключить из поля зрения, когда речь идет о польско-литовских распрях в конце XIV века.

Осенью 1390 г. в Пруссии, у Витовта, появилось посольство от великого князя московского Василия Дмитриевича, сына Дмитрия Донского, только что севшего на московский престол. Василий просил руки дочери Витовта Софии. Никоновская летопись рассказывает, что Витовт согласился на это с большой радостью, так как надеялся с помощью зятя вернуть себе Литву⁴². Действительно, политическое значение этого брака заключалось в союзе, направленном против Ягелло⁴³. Из других источников следует, что московское посольство прибыло в Ригу в августе 1390 г. и вскоре отправилось в Новгород, а оттуда в Москву, где в январе 1391 г. и состоялась свадьба. Итак, Генрих Плоцкий, герой легенды и предполагаемый прототип шекспировского героя, женившись на сестре Витовта, стал свойственником московского князя. Не к этим ли преданиям восходит удержанная как Гринном, так и Шекспиром подробность, что и Беллария и Гермиона являются дочерьми «русского императора»? Не в приключениях ли свадебного путешествия по морю из Риги в Новгород следует искать отдельные подробности «Бури»? Так рассуждали защитники (в свое время довольно многочисленные) этой гипотезы о происхождении последних пьес Шекспира.

Петербургский шекспировед Р. Бойль, проверивший и значительно дополнивший исследования Я. Каро⁴⁴, также пришел к заключению, что в основе «Бури» и «Зимней сказки» лежит историческое предание о событиях в Литве в XIV веке. Слова Гермионы («Отцом моим был русский император»), по мнению Р. Бойля, объясняются именно сватовством Василия I к Софье Витовтовне и указывают на общность действующих лиц в той и другой драме Шекспира: главным сюжетом «Зимней сказки» послужила история ревности Ягелло (Леонта) и гонение Гедвиги (Гермионы), которую Шекспир ошибочно считает дочерью Софии Витовтовны; но преследования Ягелло своей жены, заподозренной в измене, заключение ее, наконец, публичный суд над нею — все это, как ему кажется, вполне соответствует схеме «Зимней сказки»⁴⁵. Что касается перенесения места действия в Сицилию, тогда как другая часть драмы происходит в Богемии, то Р. Бойль объясняет Сицилию из Силезии (Sicilia — Silesia)⁴⁶, так как в написаниях оба названия могли быть смешаны. Шекспир выбрал первую, как страну ему более знакомую; по тем же соображениям он заменил Вильну Миланом. Вся обстановка действия: медведи, дремучие леса, — наконец, даже самое назва-

⁴² ПСРЛ. Т. XI. СПб. 1846, стр. 124.

⁴³ P. Osten-Saken. Livländisch-Russische Beziehungen während d. Regierungszeit des Grossfürsten Witowt von Litauen. «Mitteilungen aus des Livländ. Geschichte». Bd. XX. I. Riga. 1908, S. 184.

⁴⁴ R. Boyle. Shakespeares «Wintermärchen» und «Sturm». St. Petersburg. 1885.

⁴⁵ Р. Бойль считал, что анализируемое им историческое предание позволяет даже восполнить один пробел в драме Шекспира: ревность Леонта в «Зимней сказке» является недостаточно мотивированной и потому несколько странной. Между тем, допуская отождествление Ягелло с Леонтом, мы находим объяснение этой ревности в том, что Гедвига, раньше чем выйти замуж за Ягелло, была сосватана за Вильгельма, сына герцога Австрийского. Во время отлучки Ягелло ему было донесено о посещении Вильгельмом Кракова и о его тайных связях с королевой. Этим и объясняется ревность Ягелло.

⁴⁶ R. Boyle. Op. cit., S. 12.

ние «Зимняя сказка» также указывают на северную родину предания. В «Буре» же, которую Р. Бойль возводит к тому же преданию, произошла лишь замена имен, причем Просперо соответствует Витовту, Антонио — Скиргелло, Миранда — дочери Витовта, а Вильна — Милану.

Конечно, гипотезы Я. Каро и Р. Бойля не устраниют многих весьма значительных затруднений, какие встречаются на своем пути предлагаемые ими истолкования и «Зимней сказки» и особенно «Бури». По отношению к этой последней драме Р. Бойль держался того мнения, что исторические данные сделались достоянием легенд, которыми самостоятельно воспользовались и Айрер и Шекспир⁴⁷. Как ни заманчиво было бы связать изложенную прибалтийскую легенду с «Бурей», против нее свидетельствуют очень серьезные факты. История, сюжетно близкая к шекспировской, легла в основу одной из повестей испанского писателя Антонио Эславы в его сборнике «Зимние вечера», издававшемся дважды в Пампелуне (1609 г.) и в Брюсселе (1610 г.); тот же сюжет мы встречаем и у Кальдерона. Новейшие исследования, произведенные на широком фольклорном материале, подчеркнули большую распространенность этого сюжета и его близость к различным вариантам сказок о «невинно гонимой»⁴⁸.

С тем большей осторожностью следует отнестись к другим попутным и случайным сопоставлениям, к которым прибегали названные исследователи шекспировских пьес, пытаясь установить какие-то связи между некоторыми их подробностями и особенностями старорусского быта, географией и этнографией Московского государства во время Шекспира⁴⁹.

Таким образом, сложные разыскания и реконструкции, предпринятые Я. Каро и Р. Бойлем для того, чтобы объяснить упоминание о «русском императоре» в словах Гермियोны на суде, остались остроумными гипотезами эрудитов, не имеющими доказательной силы. Наиболее существенным из аргументов Я. Каро в пользу его предложений, которым он пытался подкрепить свои исследования, была ссылка на популярность «московской темы» в английской литературе времени Шекспира. Это наблюдение действительно подтверждается целым рядом других фактов, частично приведенных и нами. Я. Каро говорит о путешествиях в «Московию» англичан, об оживленных торговых сношениях между Лондоном и пристанями Белого моря и на сухопутных путях между Архангельском и Москвой, о книгах Флетчера, Гаклюйта и их продолжателей о Русском государстве. «А какое впечатление на огненное изображение Шекспира должен был произвести образ Ивана Грозного, который превзошел Нерона и Калигулу в жажде крови и безумии самодержавной власти!» — восклицал Я. Каро, у которого не возникало ни-

⁴⁷ W. Wodick. J. Ayers Dramen in ihrem Verhältniss zur einheimischen Literatur und zum Spiegel der englischen Komödianten. Halle. 1912, S. 76.

⁴⁸ K. Fouquet. Jacob Ayers «Sidea», Shakespeares «Tempest» und das Märchen. Marburg. 1929.

⁴⁹ Наивным, бесплодным и просто бессмысленным представляется, например, предположение Я. Каро, будто бы имя Калибана в «Буре» возникло по созвучию с именем одного из московских послов, прибывших в Ригу в 1390 г., — Селиван! Это звуковое сходство, разумеется, совершенно случайно и объяснить ничего не может, так как ни на чем не основано. Недостаточно аргументированным кажется также утверждение Я. Каро о том, что «множество нитей связывают Калибана с описанием русских самоедов, сделанным Стефаном Борро» (J. Саго. Op. cit., S. 180), то есть опубликованным в книге об английских путешественниках Гаклюйта. Сходство и на этот раз недостаточно обосновано, хотя этот чудовишный и отталкивающий образ дикаря, находящегося в рабстве у колонизатора, почти полностью построен на основании известий, встречающихся в архаических космографиях. В космографиях XVI в. встречаются рассказы о баснословных народах Северо-Восточной России и Сибири, в отдельных случаях совпадающие с тем, что о Калибане говорит Гонзаго («Буря», III, 3, 65) или Стефано и Тринкуло (II, 2, 70; II, 2, 97; III, 2, 9—10). Однако все эти подробности взяты Шекспиром из немецкой космографии С. Мюнстера, появившейся в английском переводе в 1572 и 1574 годах.

каких сомнений относительно того, хорошо ли были известны Шекспиру события, происходившие в современной ему Москве⁵⁰.

Мы уже говорили, как реагировала английская сцена, охотно собиравшая и воспроизводившая всякие злободневные повести, на обмен посольствами между Лондоном и Москвой, на оживление русско-английской торговли. Вероятно, существовали в ту пору и целые пьесы из русской жизни, тексты которых, однако, до нас не дошли⁵¹. В связи с этим следует обратить внимание на один малоизвестный и еще недостаточно истолкованный исследователями призыв, адресованный анонимным лондонским писателем XVII в. одновременно к Шекспиру, Бен Джонсону и Фольк-Гревиллю, — сочинить трагедию из современной русской истории.

В 1605 г. в Лондоне вышла в свет книга со следующим длинным, по обычаю того времени, заглавием: «Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России, с описанием трагической смерти двух императоров и одной императрицы, случившейся в течение одного месяца, когда он был там, а также чудесного спасения ныне царствующего императора, считавшегося умершим 18 лет тому назад»⁵². В этом издании рассказывается о посольстве Томаса Смита ко двору Бориса Годунова, состоявшемся в конце 1604 — начале 1605 года. Автор книги в состав посольства не входил и в Москву не ездил; сочинение его составлено на основании устных рассказов и письменных заметок тех лиц, которые участвовали в этой поездке. Имя сочинителя в книге не упомянуто и в справочных источниках считается нераскрытым⁵³; между тем еще в 1893 г. Р. Бойль и И. М. Болдаков, подготавливая к изданию русский перевод этого ценного исторического источника, пришли к заключению, что «Путешествие Т. Смита» принадлежит перу Джорджа Уилкинса, второстепенного лондонского литератора, драматурга, публициста и повествователя начала XVII века⁵⁴.

До нас дошло несколько произведений Д. Уилкинса, в том числе одна комедия, изданная в Лондоне в 1607 г., историческая пьеса, написанная им в сотрудничестве с двумя другими драматургами в издании того же года, прозаический трактат о «Трех несчастиях варварства — чуме, голоде и гражданской войне» (без года и места издания) и, наконец, повесть «Многотрудные похождения Перикла», примечательная тем, что представляет собою пересказ известной пьесы Шекспира⁵⁵. И. М. Болдаков, характеризуя безымянного составителя «Путешествия Т. Смита», справедливо отметил, что ему присуща «замашка постоянно прилетать к своему рассказу театральные реминисценции и смотреть на излагаемые им события с точки зрения сценического искусства» и что такая манера объяснилась бы сама собою, если бы удалось другим путем установить его предполагаемое тождество с драматургом Д. Уилкинсом. Рассказ о путешествии в Россию английского посла изложен весьма на-

⁵⁰ J. Саго. Op. cit., S. 184.

⁵¹ Такой пьесой могла быть не дошедшая до нас, загадочная «Voyvode» (1598 г.), о которой несколько раз упоминается в дневнике содержателя лондонского театра «Фортуна» Ф. Хенсло. В заглавии этой пьесы можно было бы видеть русское слово «воевода» (известное, впрочем, почти всем славянским языкам).

⁵² «Sir Thomas Smithes Voyage and Entertainment in Rushia. With the tragicall ends of two Emperors, and one Emperesse, within one Months during his being there». London. 1605; «Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России. Со снимками с заглавной страницы английского подлинника 1605 г. и с трех писем Т. Смита. Перевод, введение и примечания И. М. Болдакова». СПб. 1893.

⁵³ E. G. Cox. A reference Guide to the Literature of travel. University of Washington Publications in Language and Literature. Vol. 9, 1935, pp. 189—190.

⁵⁴ См. введение И. М. Болдакова к русскому переводу «Путешествия Т. Смита», стр. XIV—XVIII. К. Н. Бесгужев-Рюмин («Письма о Смутном времени». СПб. 1898, стр. 43) отметил, что раскрытие анонимного автора, предложенное в русском издании этой книги, «весьма вероятно».

⁵⁵ «Pericles Prince of Tyre. A Novel by George Wilkins, printed in 1608, and founded upon Shakespeare's play». Oldenburg. 1857.

пыщенным слогом, изобилует цитатами и литературными реминисценциями. Пользуясь свежими известиями о России, привезенными англичанами, автор — кто бы он ни был на самом деле — дает оценку важнейших событий в Московском государстве за последние годы. Естественно, что наибольшее внимание его привлекла история Бориса Годунова и Дмитрия Самозванца. «Теперь,— говорит автор,— я намерен рассказать о появлении как бы воскресшего царевича, считавшегося умершим в течение восемнадцати лет, об отравлении государя, который без этого мог бы прожить два раза столько же лет, так что как будто бы происходит судебный осмотр мертвых тел и в какой-нибудь театральной пьесе, где одно и то же лицо и умирает и оживает в один и тот же день». «И в самом деле все это стоило бы быть представленным на сцене!» — подчеркивает автор в особой ремарке. Описав далее смерть Бориса, первые триумфы Самозванца, измену Басманова, автор «Путешествия» говорит о юном царевиче Федоре, внезапно ставшем царем: «Федор Годунов тем не менее мог легко видеть, что почва уходит у него из-под ног... Что далее власть и правление его родится, подобно театральной пьесе, заканчивающейся катастрофой, завершается ныне ужасно и жалостною трагедией, достойной стоять в одном ряду с Гамлетом».

Это неожиданное для нас сопоставление Федора Годунова с Гамлетом шекспировской пьесы, незадолго перед тем шедшей на сцене (1603—1604 гг.) и дважды изданной в те же годы, представляется, однако, весьма типичным для лондонского литератора начала XVII в., близкого к тогдашним театральным кругам; что оно действительно могло открыть весьма заманчивые драматургические перспективы, подтверждает и сам автор «Путешествия» на последних страницах книги. Описав трагическое положение, в котором оказался род Годуновых, подчеркнув необычайную сценичность и драматизм связанных с ними событий, он снова восклицает: «Да, их положение заслуживает быть оплаканным каким-либо знаменитым писателем!» — и перечисляет тех английских поэтов и драматургов, кому оказалась бы по силам эта сложная и трагическая тема: это мог бы сделать «царь поэтов Сидней», «умеющий придать жизнь даже самому безжизненному» или изобразить в трагедии, «скорбящей над миром, блестящей глубокими мыслями и полной восторга», какие создает «благородный Фольк-Гревиль...»⁵⁶; «все это мог бы дать, если бы пожелал, столь выработанный во всем наш английский Гораций...» (вероятно, Бен Джонсон). Далее идет речь и об «английском Овидии», под которым, по-видимому, подразумевается Шекспир⁵⁷.

Это был настоящий призыв, обращенный к английским драматургам начала XVII века. К сожалению, он остался без ответа; до нас, во всяком случае, не дошло такой пьесы, о которой мечтал автор «Путешествия Т. Смита». Лишь десятилетие спустя Джон Флетчер, племянник Джайльса Флетчера, посланника и автора книги о России, создал пьесу «Верноподданный» (1618 г.) на русский сюжет, действие которой разворачивается в Москве и в которой ощущается порой веяние шекспировской драматургической манеры. Хотя она и посвящена не Дмитрию Самозванцу и не Годунову, но многое в ее сюжете и подробностях восходит именно к русским событиям «Смутного времени» (в том числе и имя одного из действующих лиц — Burgis). На сцене она шла уже после смерти Шекспира.

⁵⁶ Фольк-Гревиль, барон Брук (Fulke Graville. 1554—1628) — видный государственный деятель, близкий ко двору, был другом Филиппа Сиднея и фаворитом королевы Елизаветы.

⁵⁷ «Сэра Томаса Смита путешествия...», стр. 67, 71, 72—74.